

Точка зрения

УДК 327.51

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.10

Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий»

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: 1trunov@mai.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2024). Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 167–185.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.10

Статья поступила в редакцию 15.09.2024.

Исправленный текст представлен 03.12.2024.

АННОТАЦИЯ. *К середине 2020-х годов вооруженные силы большинства государств – членов НАТО почти не увеличивались, но одновременно резко возросли людские ресурсы в подчинении самого Альянса. Политическая детерминированность и возможные последствия тенденции исследованы на примере перехода к новой модели сил НАТО (с июля 2022 г.). Изменения в организации и размещении войск отражают вероятные планы актора. Они не обязательно будут осуществлены, но требуют учета во внешнеполитическом прогнозировании, особенно в условиях смены миропорядка, когда значение*

фактора силы заметно возрастает. В статье прослежена эволюция постоянных группировок Альянса в середине 2000-х – 2024 гг. Рост сил быстрого реагирования (выдвигаемых из глубины) и передового развертывания был построен прежде всего на использовании контингентов «старых» европейских стран – участниц НАТО. Этот принцип лег в основу новой модели сил Альянса. США усилили встроенный контроль над использованием потенциала европейских партнеров и свободу маневра в применении собственных сил (прежде всего «для сдерживания Китая и Ирана»). Элиты европейских стран –

участниц НАТО обеспечили практическую гарантию, что Альянс будет функционировать даже при критическом уменьшении вклада США. Тем самым одновременно создавался эффект укрепления автономии европейских игроков, на деле в увязке с интересами Белого дома; сами данные государства оказывались в «колее» ужесточения конфронтации с Российской Федерацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: НАТО, вооруженные силы, США, европейские государства-члены, Дж. Байден, Д. Трамп, «сдерживание», Российская Федерация, стратегическое планирование.

В статье «Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего» (2019) ее автор выявил ряд закономерностей военного искусства между 1945 г. и началом 2010-х годов: отход от сплошной линии фронта; переход от цикла операций к одноактному генеральному сражению [Кривопапов, 2019]. Данная эволюция была связана с масштабными сокращениями вооруженных сил (ВС) государств: в холодную войну они стали меньше, чем во Вторую мировую; с 1990-х годов стартовали длительные, значительные редукиции. Между 1989 и 2014 гг. суммарная численность ВС «старых»¹ государств – членов Альянса снизилась вдвое, с 5 863 тыс. до 2 939 тыс. военных, в том числе европейских (без Турции и североамериканских стран) с 2 754 тыс. до 1 108 тыс. (почти в 2,5 раза), а США – с 2 241 тыс.

до 1 338 тыс. (почти в 1,7 раза). С учетом ВС «новых» стран-участниц суммарный военный потенциал государств НАТО на 2014 г. составлял 3 229 тыс. солдат и офицеров – в 1,8 раза меньше, чем к концу конфронтации Запад – Восток².

Осознавая опасность дальнейшего следования по этой траектории для военной мощи, «западные демократии» использовали переход к «сдерживанию» России (с 2014 г.), а затем Китая и Ирана, чтобы обосновать рост ВС. Наиболее проблематичным увеличением оказалось для «старых» государств-членов. Численность ВС на 2021 г. была даже меньше, чем в 2014 г., как у США (соответственно 1 317 тыс. и 1 338 тыс. военных), так и у европейских игроков из этой группы (суммарно 1 066 тыс. и 1 108 тыс. солдат и офицеров). Из числа «новых» стран-участниц заметный рост демонстрировали не все; лидерами по скорости выступали Польша и Литва³. Тем самым значительная часть национальных ВС отнюдь не преодолела состояние «сумерек больших батальонов» и, вероятно, не сможет сделать этого в среднесрочной перспективе. Иной была ситуация у постоянных (по факту существования⁴) группировок НАТО. К 2014 г. их штатная численность составляла менее 15 тыс. солдат и офицеров⁵, а всего для посменного комплектования было задействовано и зарезервировано 90–100 тыс. военных. С 2015 г. происходил скачкообразный рост группировок блока. Его кульминация – принятие новой модели сил НАТО (*New NATO force mo-*

1 Те, что вошли в НАТО до 1990 г.

2 Рассчитано на основе: Press Release M-DPC-2 (91) 105. – Brussels: NATO Press Service, 1991. – P. 8; Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). – Brussels: NATO Public Diplomacy division, 2024. – P. 13.

3 Рассчитано на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). – Brussels: NATO Public Diplomacy division, 2024. – P. 13.

4 Принцип комплектования к середине 2020-х гг. в основном ротационный.

5 NATO Response Force // NATO. – 2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения: 26.08.2024).

del, NNFM), согласно которой 0,8 млн военных должны оказаться в подчинении Альянса⁶. НАТО заметно укрепила роль как важнейшего интегратора многосторонней мощи «западных демократий». Решение на Мадридском саммите (28–30 июня 2022 г.) начать переход к *NNFM* хронологически и функционально совпадало с возложением на блок компетенций «сдерживать» не только Россию, но также Китай и Иран⁷. Эти задачи были расширены и уточнены на Вашингтонском саммите (9–11 июля 2024 г.)⁸ в увязке с заметными результатами в деле создания *NNFM*⁹.

Задача статьи – исследовать политические и военные составляющие перехода к новой модели сил НАТО для оценки стратегических возможностей и планов «западных демократий». Эксперты традиционно уделяли внимание политике конкретных стран-участниц (прежде всего США и крупных европейских) в Альянсе, его роли в стратегии сообщества «западных демократий» в целом [Кашин, 2023; Подберезкин, Туник, 2024, с. 451–592; Sarotte, 2021], институциональным аспектам развития блока [Истомин, 2021], эволюции его доктринальных установок [Иванов, 2024]. Заметен интерес к вопросам разделения ответственности между НАТО и Европейским союзом (ЕС), особенно в контексте медленной реализации инициатив с целью наделить ЕС военным потенциалом [Сидоров, 2020; Чернега, 2024]. Фиксируется расширение компетенций НАТО на непрофильные для нее сферы (экономическую, энергетическую, эко-

логическую) [Данилов, 2021]. На фоне заметных на начало 2020-х годов неудач в попытках наделить НАТО ролью провайдера безопасности для ряда стран происхождения вооруженного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке интерес экспертов к деятельности Альянса вдали от зоны ответственности снизился [Новикова, 2022; Auerswald, Saideman, 2014]. Но включение в список задач блока «сдерживать» ИРИ, КНР, КНДР означало, что НАТО намерена снова выстраивать систему присутствия на Ближнем и Дальнем Востоке. Пока отечественные эксперты слабо освещали проблематику эволюции группировок блока. На Западе стали создавать работы непосредственно по *NNFM*, ее стратегическому значению [Biscop, 2022; Deni, 2024; Major, Swistek, 2022, S. 2–7].

О принципиальной востребованности и степени верифицируемости исследования

Насколько обращение к проблематике строительства вооруженных сил (в данном случае НАТО как института) востребовано для изучения политических процессов? Военные возможности есть неизменная составляющая ресурсной базы для деятельности на международной арене в целом. Это аксиоматичное положение еще более отчетливо звучит в условиях смены мирового порядка, когда значение фактора силы (в различных его проявлениях) объективно заметно возрастает. Конкретные особенности

6 New NATO force model // NATO. – 2022. – July 8. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

7 NATO 2022 strategic concept. – Brussels: NATO HQ, 2022. – P. 3–5.

8 Washington Summit declaration // NATO. – 2024. – July 10. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (дата обращения: 26.08.2024).

9 Stand up of Allied Reaction Force marks a new era for NATO // NATO. – 2024. – July 1. – URL: <https://shape.nato.int/news-archive/2024/stand-up-of-allied-reaction-force-marks-a-new-era-for-nato> (дата обращения: 26.08.2024).

организации и расположения войск отражают возможные намерения – они далеко не обязательно будут претворены в жизнь, но важно констатировать такие планы (не всегда оформленные для публичного доступа), их сущность в политическом прогнозировании.

Преобразования организационно-штатной структуры объединенных вооруженных сил НАТО не всегда были быстро и в полной мере синхронизированы с изменениями приоритетов во внешней политике конкретных «западных демократий», их сообщества. В годы холодной войны существовал заметный, потенциально крайне опасный плюрализм в военном отношении (на всех уровнях – от тактического до оперативно-стратегического) по выстраиванию системы передовой обороны [Лауч, 2022, с. 78–145]. Однако в целом она функционировала успешно, представляя пример политического единства, которое прежде всего выражалось в постоянном дислоцировании вдоль восточных границ ФРГ крупных контингентов североамериканских и западноевропейских государств НАТО. На первый взгляд, современная система передового присутствия (СПР) Альянса заметно отличается от таковой в 1980-е годы. Разветвленная система штабов (особенно дивизионного и корпусного уровней) предназначена управлять намного большим объемом войск, чем реально находилось у нее в подчинении. Например, к началу 2020-х годов в распоряжении штаба многонациональной дивизии «Север», как и «Северо-Восток» (в Эстонии и Латвии, Литве и Польше соответственно) имелись две боевые группы СПР размером в батальон каждая. Однако все они постепенно заметно увеличиваются (до полной бри-

гады или части таковой с достижением этого уровня в 2026–2027 гг.)¹⁰. Соответственно, идет плавное и последовательное объемное наполнение «бумажных» соединений. Параллельно наращивается необходимая разноплановая инфраструктура военного и двойного назначения¹¹. Именно из контингентов «старых» государств-членов в основном состоит многостороннее передовое развертывание, а потому его боевые группы представляют авангарды ВС данных стран, с прибытием подкреплений от их главных сил в кризисной ситуации. С опорой на данные положения функционирует дихотомия группировок НАТО: передовое развертывание – быстрое реагирование (с 2024 г. – союзническое реагирование), то есть выдвигаемые из глубины зоны ответственности массы войск, что легло в основу уже *NNFM*. Не всегда реально учитывается, что СПР тактически образуют единое целое с многочисленными и быстро растущими войсками «новых» стран-участниц [Дени, 2024, р. 2–3] (их аналог в годы холодной войны – сильный западногерманский бундесвер). Указанные положения резко увеличивают фактическую мощь современных СПР как важный фактор политики уже всех стран Альянса.

Может возникнуть вопрос и к точности официальных данных НАТО, на которые опирается статья. Существуют мнения о заметных «приписках», о том, что реальная мощь Альянса, конкретных государств-членов искусственно преувеличена, что учитывает многочисленные «утечки» в СМИ о хроническом недофинансировании ВС, технической недооснащенности и низком уровне боеготовности многих войсковых формирований. Здесь, однако, возникает

10 NATO's military presence in the east of the Alliance // 2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 26.08.2024).

11 Ibid.

встречный вопрос: насколько эти публично распространяемые сведения реальны для условного сегодня и прежде всего завтра? Или они показывают действительную картину, но вчерашнюю, которая уже заметно изменяется? Большая часть «утечек» относится к разряду «контролируемых», то есть запланированных, со стороны органов власти, из среды которых информация получена (в ином случае СМИ, как минимум конкретные корреспонденты или их информаторы, подверглись бы уголовному преследованию за разглашение гостайны, чего не наблюдается). Отсюда возникает гипотеза о том, что такие «вбросы» нацелены на преуменьшение реальных военных возможностей «западных демократий», преследуя несколько целей. Это должно подготовить общественное мнение к тому, от чего оно отвыкло с конца 1980-х годов: росту потенциалов ВС, возникновению и ужесточению конфронтации, а также одновременной гиперболизации усиления Вооруженных Сил Российской Федерации и тем самым «российской угрозы» в представлении масс граждан стран – участниц НАТО. На фоне потока «утечек» в СМИ стран Запада о слабости ВСУ, сокращении готовности их поддерживать технически официальный Киев подготовил (и снова готовит) чувствительные для России удары (по примеру наступления в Курской области в августе 2024 г.).

Уровни боеспособности и технической оснащенности конкретного войскового формирования, многих таких меняются не только вниз, но и вверх, притом это может быть завуалировано умело организованными «вбросами». Европейские государства – члены Альянса заметно нарастили военные траты: с 23 млрд долл. в 2014 г. до 312 млрд долл. в 2022 г. с планируемыми

преодолением отметки в 400 млрд в 2024 г.¹² Такое увеличение ассигнований даже при сценарии недостаточно динамичного роста мощностей собственного ВПК позволяет закупать крупные партии вооружения и военной техники (ВиВТ), комплектующих в США и у азиатских партнеров – прежде всего Южной Кореи (так, ее танк K2 «Черная пантера» становится альтернативой германскому «Леопарду» 2А разных модификаций).

Отнюдь не все части и соединения ВС стран – участниц НАТО полностью отлажены и укомплектованы. Новая модель сил Альянса, подразумевающая в своем составе 0,8 млн человек, должна состоять в основном из контингентов европейских государств-членов; суммарный размер их ВС составлял на 2022 г. 1,9 млн солдат и офицеров¹³, то есть почти в 2,5 раза превышал *NNFM*. Это, при наличии политического желания, вполне позволяло наполнить последнюю (особенно первые два яруса в 0,3 млн военных) действительно полностью или почти боеготовыми формированиями, то есть выбрать лучшие. Оценивать достижение и сохранение данного уровня должны регулярные инспекции (проверки) по линии НАТО [Deni, 2024, p. 4–6]. Их результаты вряд ли будут придаваться гласности. Поэтому автор всё же склонен использовать официальную статистику Альянса. Она – один из элементов конструируемого образа самой НАТО, ее государств-членов. Заметные «приписки», которые в основном неизбежно вскроются, могут подорвать этот продумываемый имидж. Тем более что альтернативную и, главное, четко документированную систему подсчета мощи НАТО как института пока найти едва ли возможно.

12 Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024) ... P. 8.

13 Ibid, p. 13.

На пути к новой модели сил НАТО

NNFM должна упорядочить, окончательно свести в единое отлаженное целое систему группировок НАТО, которая отчасти заново создавалась, отчасти наращивалась с 2014 г.

Система мощных группировок сил Альянса, существовавшая в годы холодной войны, была в основе расформирована к середине 1990-х годов. Основными объектами для сокращения стали «тяжелые» (насыщенные одноименной военной техникой, это (бронетанковые, механизированные) формирования. Фокус в использовании ВС был сделан на «легкие» войска (прежде всего аэромобильные, парашютно-десантные – со сменой их по выполнению важнейших задач мотопехотными частями). Географически ВС стран Запада стали активно действовать вне зоны ответственности НАТО – прежде всего для решения задач по урегулированию вооруженных конфликтов на Балканах, Среднем и Ближнем Востоке, в Африке севернее экватора [Auerswald, Saideman, 2014]. Помимо Альянса такое применение контингентов происходило под флагом ЕС и в формате «коалиции желающих». Однако все эти усилия дали ограниченный результат. Иллюстративна сложность для «западных демократий» нанести решающее поражение ИГИЛ* в Сирии и Ираке (что стало одной из причин для миграционного кризиса и террористической активности в самом ЕС в 2015–2017 гг.). Показательны уход миссии НАТО из Афганистана (2021) [Новикова, 2022] и утрата стратегических позиций группы стран – участниц ЕС в Мали и в целом в Сахаро-Сахельском регионе (2021–2024) [Чернега, 2024]. На фоне трудно-

стей в борьбе с угрозами нестабильности вдаль от зоны ответственности НАТО ее государства-члены с 2014 г. параллельно всё активнее включались в конфронтацию с Российской Федерацией. «Сдерживание» мощного оппонента реактуализировало ценность НАТО, превратилось для нее в новый «старый» стратегический смысл, обеспечивая динамичное развитие системы группировок.

Еще в 2002–2006 гг. были созданы силы быстрого реагирования (СБР, *NATO Response Force, NRF*), предназначенные для выдвижения из глубины зоны ответственности (II стратегический эшелон) на угрожаемые направления¹⁴. Тогда же в условиях расширения НАТО на массив стран Восточной Европы в новой передовой части (в I стратегическом эшелоне) зоны ответственности были учреждены группы: военно-морские (две в 2004 г. к югу от региона и две в 2008 г.) и военно-воздушная (в интересах республик Балтии). Все эти механизмы были многосторонними; их комплектовали на ротационной основе в основном европейские государства-члены [Varwick, 2007], преимущественно «старые». Тем самым возникла тенденция *европеизации* состава группировок Альянса; США вносили в них минимальный вклад войсками, но сохраняли направляющую роль в управлении. Именно США принадлежала идея создать *NRF* и возложить нагрузку на европейских партнеров [Varwick, 2007].

Численность учрежденных сил была не очень большой (для *NRF* – 15 тыс. военных), снизившись к 2014 г. до 13 тыс.¹⁵ (без учета резервируемых под ротационное комплектование). Но задолго до конфронтации с Россией была продумана и в основе создана система группировок нового поколения – под широ-

14 NATO Response Force // NATO. – 2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения: 26.08.2024).

15 Ibid.

кий набор перспективных задач, в том числе для «сдерживания». Ровно через расчетное поколение людей (20 лет; 2002–2006 гг. и с 2022 г.) с опорой на этот

набор стартовал переход к масштабной *NNFM*, иллюстрируя степень стройности долгосрочного стратегического планирования на Западе.

Таблица 1. Эволюция постоянных группировок НАТО (2014 г. – июнь 2022 г.)

Table 1. Evolution of NATO standing forces (2014 – June 2022)

Дата	Зона I стратегического эшелона	Зона II стратегического эшелона
2014 г., сентябрь (Уэльский саммит) ¹⁶	декларирована необходимость ротационного присутствия	решение наращивать <i>NRF</i> , создать в их составе соединение повышенной боевой готовности (<i>Very High Readiness Joint Task Force, VJTF</i>)
2015 г., февраль ¹⁷	создано управление многостороннего корпуса «Северо-Восток» в Польше	определена численность наземной компоненты <i>VJTF</i> – 5 тыс. военных; круг комплектаторов как «рамочного государства» (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Польша, Турция, Франция)
2015 г., июнь ¹⁸	учреждены 6 штабов бригадного уровня в Восточной Европе (без войск)	штатная численность <i>NRF</i> увеличена с 13 тыс. до 40 тыс. военных
2016 г., июль (Варшавский саммит) ¹⁹	учрежден штаб дивизии «Юго-Восток» в Румынии (без войск). Развернуто с 2017 г. по «одной» многосторонней тяжелой батальонной тактической группе (БТГ) СПР (<i>eFP</i>) в Польше, Литве, Латвии и Эстонии. В этих же странах одна бронетанковая бригада США в национальном качестве	–
2018 г., июль (Брюссельский саммит) ²⁰	дополнительно в подчинение НАТО к СБР и СПР 30 батальонов («тяжелых» и мотопехотных), 30 эскадрилий авиации, 3 боевых кораблей с готовностью до 30 дней (инициатива 30 x 4)	–
2018–2020 гг. ²¹	расширение системы многосторонних штабов: <ul style="list-style-type: none"> • с подчинением корпусу «Северо-Восток» управления дивизий «Север» (командование СПР в Эстонии и Латвии), «Северо-«Восток» (в Литве и Польше); • с подчинением корпусу «Юго-Восток» управления дивизий «Центр» (в Словакии и Венгрии), «Юго-«Восток» (в Румынии и Болгарии) 	–

16 Wales Summit Declaration // NATO. – 2014. – September 5. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 26.08.2024).

17 NATO Response Force...

18 Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence // NATO. – 2015. – June 24. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 26.08.2024).

19 Warsaw Summit Communiqué // NATO. – 2016. – July 9. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 26.08.2024).

20 Brussels Summit Declaration // NATO. – 2018. – July 11. – URL: https://www.nato.int/nato_static_f12014/assets/pdf/pdf_f_2018_07/20180713_180711-summit-declaration-eng.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

21 NATO's military presence in the east of the Alliance // 2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 26.08.2024).

Продолжение таблицы 1

2022 г., январь – начало февраля ²²	увеличена численность БТГ <i>eFP</i> ; США перебросили одну воздушно-десантную бригаду в Польшу	–
2022 г., март (внеочередной саммит) ²³	развернуто по одной многосторонней «тяжелой» БТГ (<i>tFP</i>) в Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Нарастивание воздушной, морской и ССО СПР НАТО. США временно развернули в Польше и странах Балтии еще одну бронетанковую бригаду	США временно перебросили на территорию ФРГ бронетанковую бригаду
2022 г., июнь (перед Мадридским саммитом и в его ходе) ²⁴	ФРГ как «рамочное государство» для БТГ <i>eFP</i> в Литве декларирует прецедентные планы нарастить присутствие до бригады (с 2026 г.). США определяют основу схемы присутствия в национальном качестве: <ul style="list-style-type: none"> • штаб <i>V AK</i> в Польше; • одна бронетанковая бригада в зоне <i>eFP</i> (с возможностью добавить еще одну); • одна «легкая» бригада в зоне <i>tFP</i> 	проработка вопроса о резком наращивании <i>NRF</i>

На первых этапах конфронтации (до конца 2010-х годов) первоочередное внимание в НАТО уделяли наращиванию *NRF*. Почему? Одной из причин выступало стремление “западных демократий” избежать неконтролируемой эскалации с Российской Федерацией: вблизи ее границ развертывание сил под флагом НАТО шло медленнее, чем в отдалении. Однако развернутая уже к 2021 г. сетка штабов (два – корпусного, четыре – дивизионного уровней, не говоря уже о бригадном) была предназначена для принятия под командование весьма крупных сил НАТО (примерно 12 бригад), намного больших, чем уже были в Восточной Европе (порядка 2 бригад). Разницу составляли соединения, которые подлежали переброске из глубины зоны ответственности в случае кризиса. Эти войска принадлежали ВС “старых” го-

сударств-членов; а основным интегратором как раз выступали *NRF*, особенно *VJTF*. В случае необходимости речь шла не только о действующем составе СБР, но и тех войсках, которые отработали уже применение как *NRF* во время своей ротации (с 2015 г.).

По мнению автора, главная причина представленной в таблице 1 динамики развития группировок блока – первоочередная *ориентированность ее системы на “старые” европейские государства-члены* как основных комплектаторов. Это положение, будучи определено еще к середине 2000-х годов, приобрело особое значение в условиях конфронтации с Российской Федерацией.

В данный процесс полноценно втянуты в военном отношении “новые” страны – участницы НАТО – уже вследствие географического положе-

22 3,000 more U.S. troops from 82nd Airborne head to Poland amid Ukraine invasion concerns. – 2022. – February 12. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/3000-us-troops-82nd-airborne-head-poland-amid/story?id=82834091> (дата обращения: 26.08.2024).

23 NATO’s military presence in the east...; Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe // US DoD. – 2022. – June 29. – URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 26.08.2024).

24 Ibid; „Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen“ // Bundeskanzleramt. – 2022. – 7. Juni. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 26.08.2024).

ния. Их ВС росли в целом заметно быстрее, чем у “старых”; наибольшее увеличение приходилось на сухопутные силы, особенно “тяжелые” формирования. Польша стремится иметь крупнейшие среди европейских стран – участниц блока наземные войска: благодаря скачкообразному росту численности ВС (с 99 тыс. в 2014 г. с ожидаемым преодолением отметки в 200 тыс. с 2023–2024 гг.²⁵) официальная Варшава выходит на 3-е место в НАТО (после США и Турции). Тем самым Польша де-факто займет то место, что принадлежало Франции²⁶ и на которое претендует ФРГ²⁷. Третья позиция по численности ВС важна в имиджевом и практическом плане как показатель способности и готовности нести повышенную нагрузку в конфронтации, чем ценности для партнеров по НАТО, особенно США. Это значимо для официальной Варшавы с учетом ее стремления войти в круг “западных держав”, стать основным реципиентом военного присутствия США в Европе, играть повышенную роль в многосторонней стратегии НАТО и Запада в целом в отношении постсоветского пространства и Российской Федерации. Созданием больших конвенциональных сил с мощной наземной компонентой Польша во многом повторяла стратегическую траекторию Западной Германии в годы холодной войны.

По линии НАТО существовало, однако, значимое отличие: если тогдашний бундесвер был интегрирован в Альянс (подчинен его командно-штабным структурам) практически на 100%, то для Войска Польского се-

годня показатель намного ниже. Это характерно и для ВС других “новых” стран – участниц блока. Масштабный прирост его группировок происходил в основном за счет “старых” европейских государств-членов. Вкупе с низкой, даже отрицательной, динамикой изменения численности ВС такое положение дел означает рост их интегрированности в НАТО, тем самым всё более полного следования в “колее” нацеленности на “сдерживание” России.

Подтверждение тому – полнота вовлечения “старых” государств-членов в деятельность СБР и СПР, что видно на примере крупнейших стран. В цикле 2015–2022 гг. 7 из 8 сроков по году функции “рамочного государства” *VJTF* выполняли “старые” государства-члены: Германия (дважды – 2015, 2019), Испания (2016), Италия (2017), Великобритания (2018), Франция (2021) и Турция (2022). И только в 2020 г., притом в условиях *COVID-19*, Польша²⁸. В новом цикле комплектования *NRF* (с 2023 г.), на фоне перехода к *NNFM*, первым “рамочным государством” для *VJTF* вновь стала ФРГ. Она же создала прецеденты трансформации БТГ СПР в бригаду (объявлено в июне 2022 г.), с постоянным, а не ротационным комплектованием (озвучено в ноябре 2023 г.)²⁹. В круг “рамочных государств” для боевых групп СПР с 2016 г. вошли от европейских “старых” стран лишь ФРГ и Великобритания (одновременно с еще двумя англо-саксонскими державами, США и Канадой). В 2022 г. список дополнила Франция, в 2023 г. – Италия, в 2024 г. – Испания³⁰; они возглавили 3 из 4 БТГ уже *eFP* (формирования

25 Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024) ... P. 13.

26 Ibidem.

27 “Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen”...

28 NATO Response Force...

29 Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42. – 2023. – 6. November. – Нем. яз. –URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewaehrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (дата обращения: 26.08.2024).

30 NATO's military presence in the east...

в Румынии, Болгарии и Словакии соответственно; см. таблицу 1). Последней из них, что находилась в Венгрии, руководил сам Будапешт, подчеркивая военную самодостаточность и дружественность Российской Федерации.

Динамика участия крупнейших “старых” государств – членов НАТО в деятельности СБР и СПР указывала на схемы их поведения в НАТО. Для *Германии* это стремление быть “рамочным государством” для максимально широкой линейки группировок Альянса, тем самым реализуя лидерские амбиции. Линию *Италии* и *Испании* уместно охарактеризовать как “догоняющее вовлечение” – сначала в СБР, затем и в СПР, то есть уже в восточной части зоны ответственности, отдаленной от ключевой для официальных Рима и Мадрида южной. *Турция* ограниченностью вклада, особенно учитывая размеры национальных ВС, подтверждала девиантность стратегического поведения по отношению к массиву партнеров по НАТО. *Франция* также проявляла особость, но в ином смысле, подчеркивая положение как одной из “западных держав”, и другими тактиками: то оттягивая внесение вклада в НАТО, то, наоборот, наращивая его, педалируя вопрос о создании военных сил ЕС [Чернега, 2024], “пробрасывая” идею ввода инструкторов и даже войскового контингента в национальном качестве на Украину (в конце февраля 2024 г.)³¹. *Великобритания* подняла этот вопрос тайно в марте 2024 г., предложив перебросить в район Киева СБР [Бартош, Летяго, 2024]. Тогда само Соединённое королевство было “рамочным государством” для *VJTF*, а на его базе готови-

лось развертывание сил союзнического реагирования как часть *NNFM*. Такое провокационное решение вплотную подвело бы Альянс к прямому военному конфликту с Российской Федерацией. Пример отражал *побудительную* тактику официального Лондона: подать пример, втянуть в реализацию планов Великобритании намного больше ресурсы континентальных партнеров по НАТО. Практики по стимулированию их к этому для собственных проектов были еще более характерны для США.

Бенефициар от перехода к *NNFM*: США или также европейские государства-члены?

США минимально участвовали в комплектовании *NNFM*, обеспечивая многоуровневый управленческий контроль [Biscop, 2022]. Белый дом обеспечил себе свободу маневра в применении ВС. Это приобрело особую ценность в выстраивании с участием США сразу трех масштабных систем «сдерживания»: КНР, РФ и ИРИ. Соединённые Штаты могут позволить иметь в Европе *оптимизированное* присутствие – по численности и составу. Для первой половины 2020-х годов количественно нормальным выступало его значение в 80 тыс. военных. Перед окончанием холодной войны показатель был больше в 4 раза (порядка 320 тыс. солдат и офицеров)³², а общая численность ВС уменьшилась лишь в 1,7 раза. Примечательно, что группировка США в Европе росла лишь в преддверии СВО (со свыше 60 тыс.

31 “Rien ne doit être exclu”: Macron nécarte pas l'envoi de troupes militaires en Ukraine. – 2024. – 26 Février. – Франц. яз. – URL: https://www.bfmtv.com/politique/elysee/rien-ne-doit-etre-exclu-macron-n-ecarte-pas-l-envoi-de-troupes-militaires-en-ukraine_AD-202402261033.html (дата обращения: 26.08.2024).

32 Military Presence. U.S. Personnel in NATO Europe. GAO/NSIAD-90-04. – Washington: US General Accounting Office, 1990. – P. 27.

до 80 тыс. уже на январь 2022 г.)³³ и в первые ее месяцы (с 80 тыс. до 100 тыс. в феврале – июне 2022 г.)³⁴, а затем стала сокращаться (назад к 80 тыс.)³⁵, хотя уровень конфронтационности отнюдь не падал. К объяснениям такой парадоксальной динамики относится использование увеличения сил в Европе с целью стимулирования партнеров к принятию и переходу к *NNFM*. Белый дом увеличивал силы по мере продвижения в ее разработке (процесс начался задолго до СВО, перешел в финальную стадию с начала 2022 г.). Именно в преддверии и в момент принятия *NNFM* присутствие США достигало пиковой, психологически значимой, отметки в 100 тыс. военных. Запущенный на практике переход к *NNFM* сопровождал уменьшение сил Белого дома до оптимального уровня к 2024 г.

Изменялся и их состав, подтверждая побудительную тактику. Это видно на примере наземных сил – основы присутствия США в Европе. К 2022 г. здесь располагались 3 бригады США: 2 – на постоянной основе (бронекавалерийский полк бригадного уровня в Германии и воздушно-десантная в Италии), бронетанковая бригада с ротацией 9 месяцев в Польше и странах Балтии. В феврале – июне 2022 г. число бригад США удвоилось (с 3 до 6): их стало по 3 в «старой» части зоны ответственности (одна бронетанковая временно размещена в ФРГ) и в «новой» (в Польшу были дополнительно переброшены бронетанковая и воздушно-десантная бригады, см. таблицу 1). Однако как только была со-

гласована схема *NNFM*, число бригад сразу сократилось с 6 до 4: в условном стратегическом центре было оставлено по одной бронетанковой бригаде в Германии, Польше и странах Балтии (с декларируемой возможностью развернуть еще одну); на южном, обращенном в сторону Украины, направлении – по одной воздушно-десантной в Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии. Одновременно в Европу были переброшены многочисленные штабы: самый значимый – V АК как символ присутствия США у границ Альянса еще в годы холодной войны, большинство почти без войск в подчинении³⁶. Территория ФРГ оставалась местом для дислокации крупнейшего контингента США, а стран Восточной Европы (Польши, а также Румынии) – наиболее многочисленных боевых сил. Все заряды ядерного оружия США в регионе продолжали быть в «старых» странах-участницах (в Нидерландах, Бельгии, Германии, Италии и Турции).

«Жонглирование» Белого дома с численностью и составом его сил в Европе сыграло роль в получении громадных стратегических дивидендов в связи с *NNFM*. США продемонстрировали на коротком отрезке (полгода) саму возможность заметно нарастить присутствие в Европе, обеспечили внесение европейскими партнерами доминирующего вклада в мощь НАТО на перспективу. «Нормальный» размер присутствия США в Европе составлял всего 10% численности *NNFM*; Белый дом сохранил абсолютное большинство собственных военных сил под нацио-

33 US has 100,000 troops in Europe for first time since 2005 // Stars and Stripes. – 2022. – March 15. – URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2022-03-15/us-forces-record-high-europe-war-ukraine-5350187.html> (дата обращения: 26.08.2024).

34 Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe...

35 Letter to the Speaker of the House of Representatives and President pro tempore of the Senate regarding the War Powers Report // White House. – 2023. – December 7. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/12/07/letter-to-the-speaker-of-the-house-of-representatives-and-president-pro-tempore-of-the-senate-regarding-the-war-powers-report/> (дата обращения: 26.08.2024).

36 Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe...

нальным командованием – под «сдерживание» КНР, ИРИ и в общем резерве. Так, в Индо-Тихоокеанском регионе к 2024 г. США имели 298 тыс. военных³⁷, то есть втрое больше, чем на пике их современного присутствия в Европе (2022). Переход к *NNFM* облегчил Белому дому выделение дополнительных сил под «сдерживание» Ирана (в частности, проведение операций в Красном море против дружественных Ирану хуситов). Имеющиеся в Европе силы, особенно «легкие» войска, могут быть использованы в Африке, где силы США невелики.

Подход на оптимизацию и переложение нагрузки на партнеров, который успешно продвигала администрация Дж. Байдена, в полной мере соответствует установкам и Республиканской партии, в том числе персонально Д. Трампа. В отличие от 45-го президента США, Белый дом при 46-м стремился достичь целей не жестким давлением, но настойчивым побуждением в мягких, выверенных формах. США едва ли сумели бы добиться столь заметных успехов без видимого встречного интереса от европейских партнеров. Президентство Д. Трампа с его скептицизмом к мультилатерализму и конкретно к Альянсу потребовало от этих стран переосмыслить ценность блока. Европейские игроки, с одной стороны, последовательно демонстрировали интерес к сохранению и увеличению вклада Белого дома в НАТО, с другой – они не могли не учитывать сценариев по резкому уменьшению интереса и нагрузки США.

Едва ли не важнейшим решением, которое содержало должный потенциал для учета обеих противоречащих тенденций, стало принятие *NNFM*. Тот факт, что доминирующую часть вкла-

да в нее вносили европейские страны-участницы, во-первых, гарантировал сохранение у НАТО ее сил практически при любых негативных для Альянса кратко- и среднесрочных схемах поведения Белого дома. Во-вторых, самого его убеждали в нецелесообразности их реализации – европейские партнеры принимали повышенную нагрузку, максимально «разгружая» США. По данным причинам переход к *NNFM* должен был обеспечить «всесезонность» функционирования НАТО: были предупреждены последствия от возможного прихода к власти Д. Трампа или идейно близкого к нему деятеля.

Как переход к *NNFM* соотносится с планами развивать военный потенциал ЕС [см.: *Белинский*, 2024]? Ряд экспертов рассматривал *NNFM* как практическую альтернативу «европейской армии» [*Biscop*, 2024]. Обсуждение последней долгоиграющей инициативы было активизировано на фоне трампизма [*Чернега*, 2024]. Передавая в подчинение НАТО крупные силы, европейские страны-участницы автоматически резко сокращали возможность развертывать миссии ЕС. Это усилит направляющую роль Альянса в дуумвирате евро-атлантических институтов в сфере безопасности и обороны. Переход к *NNFM* укрепит уже сложившееся на практике разделение ответственности; миссии ЕС и Постоянное структурированное сотрудничество будут дополнять те направления, где нет готовности действовать у НАТО, тем оказывая ей опосредованную поддержку. Практика показала, что под флагом Альянса сосредоточивались крупные массы войск, прежде всего «тяжелых». Блок применялся для противодействия угрозам классическим (с преобладаю-

37 U.S. Defense Infrastructure in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress. R47589 // US Congress. – 2023. – June 6. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47589> (дата обращения: 26.08.2024).

щей военной составляющей, основной источник – государство как тип актора), гибридным и неклассическим (пример – участие в борьбе с международным терроризмом и в целом стабилизации в стране происхождения вооруженного конфликта). Задействование НАТО происходило для решения задач объемных, с большим географическим размахом, обычно тесно связанных территориально с зоной ответственности; это не исключало использование Альянса в отдалении от нее (примеры присутствия в Афганистане в 2003³⁸ – 2021 гг., Ираке в 2004–2011 гг. и с 2018 г., боевой операции в Ливии 2011 г.). Под флагом ЕС находились небольшие силы, почти исключительно «легкие». Его миссии были невелики, в основном развертывались вдали от Евро-Атлантического сообщества для борьбы с неклассическими угрозами. Во многом использование ЕС было нацелено на закрытие «лакун», где отсутствовало использование НАТО: не самых масштабных и важных, но чувствительных для Запада трюков. Флаг ЕС и тем более формат «коалиции желающих» применялись также в тех случаях, которые на Западе считали слишком опасными в смысле неконтролируемой эскалации, и пока они расценивались таковыми. Подготовка кадров ВСУ с конца 2022 г. была возложена на миссии *EUMAM Ukraine* от ЕС и *Interflex* (группа заинтересованных стран под руководством Великобритании). На Вашингтонском саммите НАТО (июль 2024 г.) его государства-члены сочли уровень конфронтации с Россией столь возросшим, что согласовали подключение самого Альянса к подготовке кадров ВСУ и координации поставок ВиВТ для офици-

ального Киева³⁹ (ранее происходило в рамках формата «Рамштайн», то есть «коалиции желающих») [Mills, 2023, р. 8, 32–35]. Одновременно стартовала деятельность сил союзнического реагирования (*Allied Reaction Force, ARF*) как важнейший этап по переходу к *NNFM*.

Функционирование *NNFM*: принципы и перспективы

Для новой модели сил НАТО была характерна трехуровневая вертикальная структура – по срокам достижения боевой готовности. Войска, которым для этого требовалось до 10 дней, составляли **ярус (уровень) № 1**; эти силы должны снять возникшую угрозу (если это позволял ее масштаб) или как минимум купировать ее. Численность определена как «заметно более, чем 100 тыс. военных»⁴⁰. Среди экспертов есть расхождения по вопросу, входят ли СПР в этот показатель и тем самым полноценно в *NNFM*. Почти никто из специалистов не включает в уровень № 1 формирования США в национальном качестве в Восточной Европе [см.: Biscop, 2022; Deni, 2024]. Многосторонние *eFP* и *tFP* как часть яруса № 1 расценивает исследователь из Колледжа НАТО [Deni, 2024, р. 2], а основную часть составляют войска «новых» государств-членов.

Напротив, силы двух других уровней комплектуют в основном «старые» государства-члены. **Ярус № 2** – войска до 200 тыс. военных с достижением боеготовности от 10 до 30 суток⁴¹. Они должны оперативно выдвинуться на угрожаемое направление, наносить сильные удары из глубины, то есть действовать

38 Как дата перехода к НАТО командования МССБ указан 2003 г., а не 2001 г.

39 Washington Summit declaration...

40 New NATO force model...

41 Ibid.

по схеме СБР. На базе получивших опыт *NRF* (с учетом 8-летнего цикла численности в 40 тыс. это порядка 0,3 млн военных) создавалась основа *NNFM*, особенно ярус №2 и конкретно его «ядро» – *ARF*. В отличие от *NRF* (особенно до конца 2010-х годов) в составе *ARF* будут использованы в основном «легкие» соединения для повышения скорости и в целом эффективности наносимых из глубины ударов. От СБР был сохранен принцип поочередного определения группы из нескольких (в том числе одного крупного) государств-комплектаторов *ARF*, каждая сроком на 12 месяцев; но отрезок начинался теперь не в январе, а в июле, что повышало сложность [Deni, 2024, p. 2].

Внутри Альянса идет дискуссия о том, допустимо ли использование сил союзнического реагирования вдали от зоны ответственности [Deni, 2024, p. 3]. В 2002–2003 гг. с такой инициативой применительно к *NRF* неудачно выступили США в контексте подготовки вторжения в Ирак [Varwick, 2007]. В середине 2020-х годов, с учетом возложения на НАТО задач по «сдерживанию» КНР и ИРИ, весьма широкий ареал использования *ARF* может быть одобрен.

Ярус №3 образуют силы «как минимум в 500 тыс. военных»⁴² со сроком приведения в готовность от 30 до 180 дней. На официальном и экспертном уровнях этим войскам уделено незаслуженно малое внимание. Количество они должны составлять более 60% *NNFM*. Для понимания боеспособности самой НАТО и ее планов важно также понимать, сколько сил в целом

(и именно из яруса №3) уже приведены в боеготовность. На июнь 2024 г., по прошествии 2 лет с принятия *NNFM*, показатели составляли соответственно 500 тыс. и 200 тыс. военных⁴³, то есть в последнем случае 40% яруса №3 *уже* находятся в состоянии боеготовности.

Для понимания, что означает наличие 0,5 млн боеготового личного состава в подчинении НАТО, следует отметить, что группировка Вооруженных Сил Российской Федерации в зоне СВО (с учетом частичной мобилизации и привлечения добровольцев) к 2024 г. имела 617 тыс. военных⁴⁴. На этом фоне переход к *NNFM* (свыше 800 тыс. солдат и офицеров), который может в основном завершиться в 2026–2027 гг., в понимании «западных демократий» должен обеспечить им преимущество по наиболее хорошо организованным конвенциональным войскам. Это немаловажно для уверенности «западных демократий» в способности контролировать ход конфронтации с Россией, не допуская непосредственно прямого военного столкновения. Такое восприятие побуждает их повысить провокационность действий, вынуждая Россию идти на такие асимметричные решения, как уточнение ядерной доктрины.

Представляется, что сама схема *NNFM*, но с военно-людским наполнением от Украины, проходит апробацию в зоне СВО. Подтверждения: численность ВСУ на начало 2024 г. – 880 тыс.⁴⁵ (то есть очень близки к планируемым размерам *NNFM*); для «стратегического резерва», что был обучен в основном на Западе и сыграл главную роль в на-

42 Ibid.

43 Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Wilson Center Auditorium followed by Q&A // NATO. – 2024. – June 17. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_226742.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 26.08.2024).

44 Итоги года с Владимиром Путиным // Администрация Президента РФ. – 2023. – December 14. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 26.08.2024).

45 Зеленский раскрыл численность ВСУ. – 2024. – 29 января. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/29/zelenskiy-raskryl-chislennost-vsua/> (дата обращения: 26.08.2024).

ступлении летом 2023 г., – до 50 тыс.⁴⁶ (перспективный объем СПР в целом, включая силы США). Схема первоначального удара ВСУ в Курской области (в августе 2024 г.), особенно использование воздушно-десантных бригад, представляла тактику только что созданных АРФ.

* * *

По сравнению с системой группировок Альянса в годы холодной войны современная разительно отличается в качественном отношении. В ней нашли продвинутое воплощение принципы мультилатерализма, гибкости в создании, глубоком эшелонировании сил. Количественно мощь группировок самого Альянса (но не конкретных национальных ВС) стала приближаться к значениям 1980-х годов: в данном случае возникает феномен «рассвета больших батальонов». Осуществить переход к *NNFM* по замыслу государств – членов НАТО означает обеспечить долгосрочное преимущество перед Российской Федерацией, не переходя к самой «горячей» войне. Традиционную для своей природы задачу по «сдерживанию» и «отбрасыванию» оппонентов НАТО должна выполнять уже не только против России (игроку восточнее зоны ответственности Альянса в Европе), но также Ирана, Китая с постепенным расширением списка.

Хронологически решение по старту движения к *NNFM* было принято в середине 2022 г., через 4 месяца после начала Российской Федерацией СВО. Однако едва ли возможно разработать столь объемные планы за такой срок: они готовились задолго до СВО, притом не как реактивные, но проактивные, должны обеспечить управляемость конфронтацией со стороны За-

пада. В пользу этого говорит динамика эволюции СПР и СБР НАТО в 2014–2022 гг., прямым продолжением которых стал переход к *NNFM*.

Европеизация мощи Альянса подается как отвечающая интересам элит партнеров США по блоку и самих Соединённых Штатов. Первые во многом расценивают эту тенденцию как возможность обеспечить стратегическую автономию, притом под флагом именно НАТО, лишь затем – ЕС. США сохраняют встроенный контроль над использованием ресурсов партнеров и одновременно возможность для свободы маневра своими силами. Достичь этого результата смогла администрация Дж. Байдена с ее «мягкой гегемонией», умело используя опасения европейских стран-участниц перед трампизмом.

Список литературы

Бартош А.А., Летяго А.Г. НАТО готовится к войне с Россией // Национальная оборона. – 2024. – 21 марта. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/natogotovitsya-k-vojne-s-rossiej-45535.shtml> (дата обращения 26.08.2024).

Белинский А.В. Гипотеза Пуанкаре на «великой шахматной доске»: сможет ли ЕС стать полюсом силы в XXI столетии? // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 4. – С. 131–151. – DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.

Данилов Д.А. Глобальные горизонты Атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. – 2021. – № 5. – С. 19–31. – DOI: 10.15211/soveurope520211931.

Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обо-

46 «Указать русским их место»: как проявили себя подготовленные НАТО бойцы ВСУ. – 2023. – 19 сентября. – URL: <https://ria.ru/20230919/podgotovka-1897031813.html> (дата обращения: 26.08.2024).

зреватель. – 2024. – № 3. – С. 16–27. – DOI: 10.48137/2074-2975_2024_3_16.

Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. – 2021. – № 1. – С. 26–55. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.

Кашин В.Б. Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 3. – С. 10–21. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21.

Кривопапов А.А. Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 245–270. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270.

Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. – Москва : Аквариус, 2022. – 265 с.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 213–233. – DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.

Подберезкин А.И., Тупик В.И. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине. – Москва : МГИМО, 2024. – 603 с.

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 4. – С. 137–169. – DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

Трунов Ф.О. НАТО в начале 2020-х: многосторонние военные группировки в зоне ответственности Альянса // Международные процессы. – 2023. – № 1. – С. 118–145. – DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1.

Чернега В.Н. «Держава Европа» по Э. Макрону: мираж или реальная перспектива? // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 1. – С. 85–105. – DOI: 10.31249/ape/2024.01.05.

Auerswald D.P., Saideman S.M. NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 240 p.

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. – 2022. – No. 285. – 6 p.

Deni J.R. The new NATO Force Model: ready for launch? // NATO Defence College Outlook. – 2024. – May. – No. 4. – 7 p.

Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. – 2022. – No. 49. – 8 S. – Нем. яз.

Mills C. Military Assistance to Ukraine Since the Russian Invasion. – London : House of Commons Library, 2023. – 69 p.

Sarotte M.E. Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate. – Yale : Yale University Press, 2021. – 568 p.

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. – S. 763–778. – Нем. яз.

Point of View

DOI: 10.31249/kgf/2024.06.10

The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies

Philipp O. TRUNOV

PhD (Political Sciences), Leading Researcher, Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2024). The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 167–185 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgf/2024.06.10

Received: 15.09.2024.

Revised: 03.12.2024.

ABSTRACT. *By the mid-2020s, the armed forces of most NATO member states had seen little to no growth. At the same time, NATO's overall military power has been increasing rapidly. The political determination behind this trend and its possible consequences are examined through the example of the transition to the New NATO Force Model, initiated in July 2022. Changes in the structure and deployment of troops reflect the actor's probable strategic intentions. These plans may not necessarily be implemented, but they must be taken into account in foreign policy forecasting – especially in the context of a shifting world order, where the importance of the use of force is growing significantly. The article traces the evolu-*

tion of NATO's permanent troop groupings from the mid-2000s to 2024. The expansion of the NATO Response Force (deployed from depth) and Forward Presence was based primarily on the use of resources from the "old" European member states. This principle also underpins the New NATO force model (NNFM). It provides the United States with built-in control over the use of European partners' potential and greater freedom of maneuver in deploying its own forces (primarily for the containment of China and Iran). The elites of European member states have provided a practical guarantee that the Alliance will continue to function even in the event of a critical reduction in the U.S. contribution. At the same time, this

has created the effect of strengthening the autonomy of European actors – though in reality, this autonomy remains closely tied to the interests of the White House. As a result, these states have found themselves on a path-dependent trajectory toward deepening confrontation with Russia.

KEYWORDS: NATO, armed forces, USA, European member states, J. Biden, D. Trump, deterrence, Russian Federation, strategic planning.

References

- Auerswald D.P., Saideman S.M. (2014). *NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone*. Princeton: Princeton University Press, 240 pp.
- Bartosh A.A., Letyago A.G. (2024). NATO is preparing for war with Russia. *National Defence*. March 21. Available at: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/nato-gotovitsya-k-vojne-s-rossiej-45535.shtml>, accessed 26.08.2024.
- Belinsky A.V. (2024). The Poincaré equation on «the grand chessboard»: can the EU become a pole of power in the 21st century? *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 131–151 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.
- Biscop S. (2022). The New Force Model: NATO's European Army? *Egmont Policy Brief*. No. 285, 6 pp.
- Chernega V.N. (2024). “Power Europe” according to E. Macron: mirage or real prospect? *Current Problems of Europe*. No. 1, pp. 85–105 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.05.
- Danilov D.A. (2021). Global Horizons of the Atlantic Alliance: The Biden “Vaccine”. *Contemporary Europe*. No. 5, pp. 19–31 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope520211931.
- Deni J.R. (2024). The new NATO Force Model: ready for launch? *NATO Defence College Outlook*. May, no. 4, 7 pp.
- Istomin I.A. (2021). Management of security commitments in asymmetric alliances. *Mezhdunarodnye processy*. No. 1, pp. 26–55 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.
- Ivanov O.P. (2024). NATO's strategy in the context of the changing international security environment in Europe. *Observer*. No. 3, pp. 16–27 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.
- Kashiv V.B. (2023). The first year of the big war. *Russia in Global Affairs*. No. 3, pp. 10–21 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21.
- Krivopalov A.A. (2019). The twilight of the big battalions. Historical study of the military conflicts of the future. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, no. 4, pp. 245–270 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270.
- Lauch S. (2022). *Fundamentals of NATO Operational Thinking*. Moscow: Akvarius, 265 pp.
- Major C., Swistek G. (2022). NATO after the Madrid summit. *SWP-Aktuell*. No. 49, 8 pp. (in German).
- Mills C. (2023). *Military Assistance to Ukraine Since the Russian Invasion*. London: House of Commons Library, 69 pp.
- Novikova O.N. (2022). Britain's Fourth Afghan war. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 213–233 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.
- Podberezkin A.I., Tupik V.I. (2024). *Changes in the International and Military-political Situation in the World After the Start of a Special Military Operation in Ukraine*. Moscow: MGIMO, 603 pp. (in Russian).
- Sarotte M.E. (2021). *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. Yale: Yale University Press, 568 pp.
- Sidorov A.S. (2020). European Defence through the prism of France's interests and capabilities. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 137–169 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

Trunov Ph.O. (2023). NATO development by the early 2020s. The case of multilateral military groups in the zone of responsibility. *Mezhdunarodnye processy*. No. 1, pp. 118–145 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1.

Varwick J. (2007). North Atlantic Alliance. In: Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (eds.). *Handbook of German Foreign Policy*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, pp. 763–778 (in German).